

РОССИЙСКИЙ КОЛОКОЛ

ЖУРНАЛ

№ 5-6

2020

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Коллектив авторов
Российский колокол № 5-6 2020
Серия «Журнал «Российский колокол»»
Серия «Журнал «Российский
колокол» 2020», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63759722
Российский колокол № 5-6 2020: Москва; 2020
ISBN 978-5-907395-08-4

Аннотация

«Вот и вышел новый номер журнала „Российский колокол“ № 5-6. Вы можете насладиться разнообразием авторов, представленных в нем.

„Российский колокол“ продолжает лучшие традиции отечественной литературно-художественной периодики и предлагает читателям большое разнообразие литературных жанров и тем. Из номера в номер журнал открывает свои страницы для талантливой литературы, литературного эксперимента и всегда рад предоставить свои бумажные просторы перспективным авторам, а также возратить читателю ценные для истории и отечественной культуры имена...»

Содержание

Слово редактора	5
Анастасия Лямина	5
Современная проза	7
Анатолий Леонов	8
И конь был белый...	10
Последняя сказка	40
Наталья Якушина	55
Яковлев и бес. Записки из Коктебеля	57
Дом Гули	57
Фая и Венечка	58
Встреча в кафе «Московское»	60
Слава не танцует на столе	61
Я не хотела рысью. Конная прогулка	62
День рождения М. Г.	64
Мастер-класс	65
Фестивальная майка	66
Натуралы в Тихой бухте	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Российский колокол № 5-6 2020

Слово редактора

Анастасия Лямина

Шеф-редактор журнала «Российский колокол», член Интернационального Союза писателей, журналист

Вот и вышел новый номер журнала «Российский колокол» № 5–6. Вы можете насладиться разнообразием авторов, представленных в нем.

«Российский колокол» продолжает лучшие традиции отечественной литературно-художественной периодики и предлагает читателям большое разнообразие литературных жанров и тем. Из номера в номер журнал открывает свои страницы для талантливой литературы, литературного эксперимента и всегда рад предоставить свои бумажные просторы перспективным авторам, а также возратить читателю ценные для истории и отечественной культуры имена.

Сегодня и всегда мы несем не только эстетические ценности, но ставим перед собой задачи более высокого порядка – поднять духовный и интеллектуальный уровень читателя.

Высококачественная художественная литература, интервью с современными писателями, подборка стихотворений, элитарная проза – такие жанры и темы осветили в очередном выпуске журнала «Российский колокол». Имена авторов, с которыми вы встретитесь, – это и имена знаменитые, из первых рядов современной литературы, и имена, только набирающие литературный вес.

Приятного чтения!

Современная проза

Анатолий Леонов

Писатель. Сценарист. Член Союза писателей России (СПР).

Лауреат литературных конкурсов и международных кинофестивалей.

Публикуется в России, США, Европе и Австралии. Переводился на венгерский, румынский, немецкий, шведский, итальянский и японский языки.

Автор серии детективных романов «Отец Феона. Монах-сыщик», издаваемых издательством «Эксмо».

Живет в Москве.

И конь был белый...

Одним хмурым майским вечером, в самый час пик, в переполненном московском метро, на станции «Лубянка», в вагон поезда зашла старуха. Никто не запомнил, как она выглядела, никто не знал, откуда появилась и куда потом пропала. В свете последующих затем событий сей факт никак не отложился в памяти москвичей и гостей столицы, а жаль, ибо с появления этой старухи все и началось. Бабка, осмотревшись по сторонам, живенько пробралась сквозь толпу к сидящему на лавке молодому парню лет двадцати пяти и уставилась на него. Парень, надо прямо сказать, особо теплых чувств к себе не вызывал: жирный, мордастый, с коротко стриженной квадратной головой и водянистыми глазами навкате. Одет он был в изрядно засаленную клубную майку одного из московских футбольных клубов, необъятные шорты-парашюты цвета хаки и рваные китайские кеды на босу

ногу. В руках он держал бутылку пива «Клинское», периодически смачно отхлебывая и рыгая на соседей, как в пустоту. Прямой и откровенно изучающий взгляд старухи ему явно не понравился. Он с вызовом посмотрел на нее и развязно прогнусил, скривив мокрые от пива губы:

– Ты чего лупетками мацаешь? Тебе бутылка пустая нужна? Тогда иди на хер! Я долго пить буду...

Стоящий рядом интеллигентный мужчина попытался было урезонить хамоватого парня, но тот в ответ, мрачно глядя интеллигенту в переносицу, с угрозой произнес:

– Фильтруй базар, фифан бацильный! Ты на кого батон крошишь?

Этим простым аргументом он начисто лишил оппонента желания подискутировать или хотя бы возразить себе.

Между тем старуха, порывшись в изрядно поношенном ридикюле, из недр его достала нечто, зажатое в кулаке. При этом она что-то хрипло и занудливо бубнила себе под нос. Находившиеся рядом люди могли услышать:

Тучи, тучи, тучи, тучи,
Скачет конь большой, могучий.
Через тучи скачет он,
Кто не верит – выйди вон...

При последних словах она вытянула руку вперед, резко и широко растопырила пальцы и дунула на ладонь. Золотистая пыль полетела в лицо невежливого молодого человека. Он

завопил от боли, протирая огромными кулачищами запорощенные глаза.

– Ах ты, овца галимая... Я тебя башку сверну, в натуре!

Но когда протер глаза, старухи рядом уже не было. Не смогли объяснить ее исчезновение и многочисленные пассажиры вагона, ставшие невольными свидетелями происшествия. Старуха просто пропала.

Пострадавший от хулиганства бабки парень довольно быстро забыл о случившемся. До того ли было ему в тот вечер, чтобы помнить такие мелочи? Выйдя на станции «Черкизово», в народе именуемой просто «Черкизоном», он встретился около касс стадиона «Локомотив» с дюжиной своих клонов, и после длительных эмоциональных приветствий кореша дружно отправились догоняться пивасиком в ближайшую тошниловку. Воля случая, но на футбол в тот день парни так и не попали, схлестнувшись с «болелами» команды противника, а потом и с подоспевшими бойцами ОМОНа прямо в баре. Милиция не стала особенно разбираться в клубных предпочтениях дерущихся, а, «отбуцкав» ногами и дубинками всех без разбору, всех и увезла в ближайшее отделение полиции на Открытом шоссе, в так называемые «Топорики». Впрочем, в «обезьяннике» семьдесят седьмого свободного места для них не нашлось. Там уже сидели на головах друг у друга три местных алкаша, не поделивших бутылку бормотухи, два синюшных бомжа, разбивших друг другу рожи за даму сердца. Сама обольстительни-

да сидела тут же, ни у кого, кроме своих кавалеров, не вызывая ни эротических фантазий, ни позывов животной страсти. Четыре дагестанских «барсеточника», державшихся обособленно от всех и мамой клявшихся, что являются студентами-юристами и вообще тут ни при чем. А также целый аул таджиков-нелегалов, выловленных на соседнем рынке одной серой бессловесной биомассой.

Вняв матерным уговорам истерично настроенного дежурного офицера, стражи порядка, «напихав» фанатам по почкам и отобрав наличность, без протокола отпустили их на все четыре стороны. Те, впрочем, недолго пребывали в унынии и возникший было финансовый кризис решили быстро. Взяв на гоп-стоп в ближайшей подворотне у двух очкастых ботанов гаманок со стипендией и мобильные телефоны, компания весело отрывалась до глубокой ночи в кабаке «У Михалыча» на Халтуринской. Полицейские патрули пару раз заходили в заведение, но на веселящихся от души гопников никакого внимания не обратили.

Под утро он проснулся в чужой общаге, почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд. Рядом, открыв рот, храпела незнакомая шмара, свесив по сторонам рыхлого тела груди, больше похожие на сдувшиеся футбольные мячи. Парень не смог вспомнить, ни где, ни когда познакомился с ней, ни того, что они делали ночью. Впрочем, девица его в тот момент совсем не интересовала. Он вдруг испытал безумное чувство тревоги и жалости к себе. Чувство это было таким сильным,

что хотелось заплакать, как ребенку, и бежать со всех ног, все равно куда, лишь бы с этого места, лишь бы спрятаться и затаиться. Сердце заняло и прыгнуло куда-то в область трахеи. словно камнем в кадык. Такое чувство бывает рядом с мощными электрическими подстанциями. Во рту сразу стало солоно и кисло, появилось ощущение, что голова, как колба, доверху наполнилась кровью. Он обернулся.

Старуха внимательно смотрела на него, стоя около кровати. Вернее, он понял, что это была старуха, та самая, из метро. Ибо та, что сейчас склонилась над ним, была молодая и пугающе прекрасна! Никогда раньше он не встречал подобной красоты! Красота была не земной, но и небесной называть ее оторопь брала! Густые огненно-рыжие волосы шевелились, как живые, словно змеи на голове Медузы горгоны. Возможно, их трепал ветер, но никакого сквозняка вокруг не было. Тонкие черты ее хрустального лица казались хрупкими и прозрачными и оттого холодными и неживыми, большие зеленые глаза, горевшие огнем, навевали тоску и ужас, словно там, где-то в глубине этих глаз, разведены были погребальные костры. И костры эти горели по его душу! В тишине столь абсолютной, что ушные перепонки могли лопнуть от напряжения, вдруг зазвучал голос, звук его был низким, густым и дребезжащим, он звучал отовсюду, медленно и монотонно, словно вбивая гвозди в мозг. Старуха морозно улыбалась одними губами, не отрывала от парня своего демонического горящего взгляда, указывая пальцем куда-то

за его спину. Но и там был только голос: «И я видел, что Ангел снял первую из семи печатей, и я услышал одно из четырех животных, говорящее как бы громовым голосом: иди и смотри. Я взглянул, и вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить»...

Голос затих, но вибрации его продолжали разрывать мозг на атомы, искривляя пространство в причудливые миражи. Парень дико завыл, зажав уши ладонями рук, ловя обезумевшим взглядом прекрасную незнакомку. Она словно парила в воздухе, медленно отодвигаясь в глубину комнаты, постепенно растворяясь в предрассветных сумерках, маня и призывая его за собой изящным движением тонкой руки. Дрожащий как осиновый лист, обливаясь потом, он вскочил на кровати и, молитвенно протягивая к ней руки, захрипел, едва шевеля пересохшими губами:

– Я... я иду! Я уже... Я... я вот...

Истошно заголосила проснувшаяся девушка, она испуганно жалась к железной спинке кровати и, показывая дрожащим пальцем на своего ночного кавалера, в ужасе мычала что-то невразумительное. Он осмотрел себя и увидел в подмышке и в паху две огромные черные язвы, одна из которых уже вскрылась, и гной медленно вытекал наружу. В следующий миг ноги, словно ватные, подкосились сами собой, тело с ужасным грохотом упало на пол и забилось в конвульсиях. Он умирал, наверно еще не понимая это.

Он еще раз пришел в себя, когда санитары загружали носилки в реанимобиль. Он увидел серое, тяжелое от обложных облаков небо, по которому, оставляя за собой черный клубящийся шлейф, неслись четыре страшных всадника на своих конях. И один конь был бледный, а другой вороной, был еще рыжий, и первый конь был белый!

Он, тыча пальцем в небо, хрипел, привлекая внимание санитаров к такому невиданному явлению, но те, обернувшись, ровным счетом ничего не увидели. До больницы его не довезли, он умер по дороге. Спустя пару часов умерли еще несколько человек. К вечеру умерших было уже полтора десятка, а госпитализированных набралось под сотню. Тогда же прозвучал первый раз давно, казалось, забытый и оттого еще более ужасный диагноз – бубонная чума! Черная смерть!

Тем же утром, когда первую жертву чумы только вскрывали в прозекторской, у огромного здания Храма Христа Спасителя, со стороны Всехсвятского проезда, прямо под памятником Александру II, уселся странный человек, одетый, по мнению многих, как бомж. Как выглядят юродивые, люд московский за сто лет уже и позабыть успел. Человек расставил вокруг себя дешевые бумажные иконки из церковной лавки, зажег свечи и стал читать молитвы, истово осеняя себя крестным знаменем, иногда брызгая из пластиковой бутылки воду в сторону храма. На вопрос прохожих, что же он

такое делает, странный богомолец охотно отвечал:

– Бесов изгоняю, православные! И вы спешите, пока не поздно, жизнь свою уже не спасете, так хоть душу сберечь попытайтесь, истинно говорю вам, ибо первая печать уже взломана и всадники апокалипсиса здесь уже! Свершилось вчера бедствие великое народу нашему, кто не очистится, погибнет в геенне огненной!

Услышав такое, охрана храма и добровольцы из казачьей дружины накостыляли провокатору по шее, втоптали иконки и свечи в землю, а водой из пластиковой бутылки, глумясь, полили его лысеющее темечко. Когда же сердобольные женщины заступились за страдальца, несчастного просто выкинули за забор. Но он не сразу ушел. Он еще долго стоял там, у будки охранника, молился и говорил каждому мимо проходящему:

– Смерть пришла в дом! За спиной стоит! На всех вас вижу тень ее! Покайтесь, люди! Завтра поздно будет...

Народ же бежал мимо по своим делам, не обращая внимания на сумасшедшего с мокрой головой и не догадываясь, что для большинства из них завтра уже наступило!

Сначала никакой паники не было. Люди не сразу разобрали, что к чему, слепо веря в сказку о всесильности современной медицины. Но самые сообразительные, осторожные или осведомленные из них уже потянулись из города прочь. Врачи забились тревогу уже в первые дни. Многие заговорили о пандемии. Смертность среди заболевших составляла неслы-

ханские доселе сто процентов. Болезнь только напоминала чуму, на самом же деле была она другой, неизвестной, вакцины против которой в природе не существовало.

Главный санитарный врач страны, по заведенной традиции, делал заявления одно глупее другого, при этом политики, как всегда, в них было больше, чем медицины. Потом его поймают и повесят на ажурных воротах забора Дома правительства. Но это будет потом. А пока страх и отчаяние вслед за слухами постепенно проникали в сознание людей, приводя их в ужас и негодование. Они хотели прямых и честных объяснений, они ждали четких указаний к действию и не получали ничего.

Народ роптал. Шептались, что во всем виноваты гастарбайтеры из Средней Азии и кавказцы. Начались стихийные погромы, иногда напоминающие демонстрации, а иногда охоту на волков. Полиция нехотя пресекала эти акции, видимо в тайне придерживаясь того же мнения. Потом власти спохватились и действия полиции стали решительней и жестче, но прекратить погромы уже не могли. По утрам трупы лиц с неславянской внешностью в подворотнях и скверах города стали не редкостью. Ответные действия только раззадорили погромщиков и еще сильнее накалили атмосферу ненависти в городе. Москва стремительно, за считанные дни, «ославянилась» с невиданной легкостью. Создалось впечатление, что весь «пришлый элемент» просто растворился в воздухе. Но в сложившейся обстановке сей факт вряд ли ко-

му доставил большую радость.

Впрочем, иногда случались и адресные расправы, на первый взгляд, казалось, не имевшие никакого смысла. Некий питерский музыкант, изображавший на сцене то ли гопника, то ли великовозрастного жлоба, неосторожно сочинил песенку о своей мечте – москвичах, уничтоженных стихией. Его поймали, когда он бросил гастроли и бежал из города, заблокировали в автобусе и сожгли живьем вместе с ансамблем. Кто это сделал, уже никого не интересовало, даже выяснять не стали. Такие эксцессы происходили теперь с ужасающей регулярностью. Власть все тянула, все ждала чего-то, а люди умирали. Когда количество смертей перевалило за тысячу в день, Москва побежала!

Это был день великого исхода! Город не просто побежал. Город встал на дыбы! Все улицы, все магистрали во всех направлениях оказались запруженными машинами, автобусами, велосипедами. Все это, груженное ящиками, чемоданами, сумками и тюками, пыталось двигаться и не могло этого сделать. Люди шли пешком, причем во всех направлениях, сталкиваясь, теряя или даже бросая свой скарб. Плакали несчастные, ничего не понимающие дети, многие старики, осознавая, что двигаться со всеми им не по силам, отказывались идти дальше, но поскольку назад им пути тоже не было, то толпа несла их, как горная река несет щепки в бурном своем потоке, жестко и безжалостно. То тут, то там возникали стычки между людьми. Драки, поножовщина и раз-

розненная стрельба. Как оказалось, у многих было оружие – и не только травматическое, – и теперь оно без особенного раздумья пускалось в ход. Это был ад, толпа все прибывала и прибывала, но движение практически встало. Люди не понимали, что происходит, и оттого еще больше приходили в иступление и панику. Лишь те, кто смог добраться до МКАД, первыми осознали происшедшее. За одну ночь Московская кольцевая превратилась в неприступную крепость, обнесенную тройными рядами колючей проволоки под током, обустроенными вышками с пулеметами, патрулями с собаками и низко над трассой барражирующими вертолетами, слепящими своими прожекторами. На всех развязках автомагистрали дороги были перегорожены водометами и бульдозерами, за которыми стояли танки и бронетранспортеры с солдатами в костюмах химической защиты. Город стал одним большим концлагерем. Через громкоговорители, радио и телевидение москвичам объявили, что в связи с трудным эпидемиологическим положением в городе объявляется чрезвычайное положение и карантин. Всем предложили возвращаться домой и ждать дальнейших распоряжений. Но люди не захотели этого делать, градус кипения достиг той точки, когда разум и здравый смысл уступают чувствам и эмоциям. Сначала люди стихийно пошли на штурм укреплений, но были встречены водометами, слезоточивыми гранатами и выстрелами поверх голов. Неготовые к сопротивлению и не имеющие лидеров, способных организовать их, они побежа-

ли. Началась не просто паника. Началось безумие, которого Москва не знала с октября 1941 года.

Оживились мародеры. Эта братия бессмертна и неустрашима, как вошь! И пока одни граждане бежали из города, другие, многие загодя, пробирались в него, чувствуя запах легкой наживы. Иногда можно услышать слова в оправдание таких людей. Мол, не со зла они так, а лишь поддавшись единственному порыву нравственного помешательства. Возможно, что с некоторыми так дело и обстояло. Однако тяга к чужому добру проистекает не из острой потребности в социальной справедливости. А как раз наоборот, из духовной дремучести и моральной глухоты изрядной доли рода человеческого. Когда в начале сентября 1812 года русская армия покидала, а французская входила в Москву и город запылал в огне пожаров, то практически одновременно с армией захватчиков в несчастный город потянулись сотни, если не тысячи подвод. Это окрестные крестьяне спешили грабить Белокаменную, спешили основательно, на подводах! Тогда Наполеон велел всех их задержать и использовать для тушения пожаров и расчистки завалов. А кто отказывался, того к стенке! Достоинно подражания было сие решение! Впрочем, как тогда, так и сейчас мародерствующего отребья достаточно было и среди самих москвичей. Грабили все и всех, тащили что могли, а что не могли, ломали и поджигали, пользуясь тем, что полиция почти не вмешивалась в происходящее.

Как бы то ни было, продолжалось это недолго: как только

атаки на МКАД провалились и люди в беспорядке и панике подались обратно в город, так сразу из каких-то подворотен, закоулков, закрытых ангаров и территорий появились внутренние войска, отряды ОМОН и спецтехника. Они оттесняли толпу, разгоняли колонны и перекрывали районы города рогатинами и машинами. Впрочем, внутри города дела у них пошли не так гладко. Люди каким-то образом успели организовать в отряды и кое-где начали давать отпор, причем иногда очень грамотный и упорный. Уличные столкновения продолжались почти два дня. Власть в конечном счете так и не смогла подавить все очаги сопротивления. После двух суток на баррикадах народ просто разошелся по домам, так и не решив, что же им делать дальше. Но некоторые из них вдруг осознали собственную силу...

Москва нахохлилась, как мокрый воробей, насупилась, выждала паузу и стала приспосабливаться жить в новых условиях. Теперь столица и по форме, и по содержанию напоминала осажденный город. Действовал комендантский час, передвижение между районами было ограничено или прекращено вовсе. И как следствие таких мер, как всегда халатно или сознательно плохо организованных, начались перебои со снабжением продовольствием, частое отключение электричества и проблемы с водоснабжением. При этом люди по-прежнему умирали как мухи. Уже по пять-шесть тысяч в день, и цифра эта только росла! Больницы и госпитали, переполненные сверх всякой меры, давно уже превратились

в чистилища, где «мертвые погребали своих мертвецов». К таким местам народ боялся даже приближаться.

Смерть, голод, километровые очереди за едой и водой с одной стороны соседствовали с беспробудным пьянством и развратом с другой. Как грибы после дождя, во всех районах, не таясь, открылись и работали публичные дома и притоны. Бандитизм, налеты и ограбления стали бытовыми преступлениями, которые практически перестали даже фиксировать правоохранительные органы. Да и сами эти органы в любой момент готовы были разбежаться на все четыре стороны. И если днем еще можно было говорить о каком-то порядке, то ночью полиция и ОМОН защищали только самих себя. Власти города стремительно теряли нити руководства мегаполисом, но не понимали этого и никак не хотели отказываться от своих привилегий. Появились и успешно продавались чиновниками какие-то внутренние и внешние спецпропуска на перемещение по городу и за его пределы. Нужным людям из частных списков выдавались талоны на спецобслуживание в спецраспределителях. Устраивались даже закрытые вечеринки и увеселительные мероприятия для той части элиты, что еще не успела покинуть город и страну. Пока сливки общества развлекались, народ пребывал в унынии, а власть в параличе.

Когда счет мертвецов пошел на десятки тысяч, а убирать их было некому, по улицам города зашагали, словно тени из прошлого, мортусы. Не хватало только масок с клювом, во-

щанных плащей и длинных железных крючьев. Но сути это не меняло. Их задача, как и сотни лет назад, была собирать трупы. Как и тогда, на дело это отряжены были отряды заключенных из городских тюрем и изоляторов. Часть их сразу разбежалась, а другая часть осталась. Было их немало. Одни таскали трупы из выморочных домов, тела умерших выбрасывались из окон прямо на улицу, другие поднимали, кидали в мусорные контейнеры тел по двадцать разом и везли куда-то. Шептались, что особенных мест и не было, а просто тайно зарывали где-то в котлованах или даже подвалах домов. Народ об этих фурманщиках рассказывал жуткие вещи. Говорили, что часто выволакивали они из квартир еще живых людей или просто врывались в понравившиеся им квартиры, убивали и грабили всех без разбору, творя свое беззаконие уже даже среди бела дня. В городе в это бедственное время ни полиции, ни армии почти не осталось.

Все это происходило на глазах у разгневанных, доведенных до отчаяния горожан. В таких условиях люди стали организовываться в отряды самообороны, которые стремительно росли численно и качественно и представляли уже реальную силу. В этих отрядах появились лидеры, способные организовать и вести за собой. Это были реальные вожди, рожденные общей бедой и общим стремлением всех обывателей найти того, за кем можно было бы идти и кому подчиняться. Эти люди были особого замеса, они не ведали страха, но они не знали и жалости. Это вам не номенклатурные феодалы с

дутым авторитетом, державшиеся только на корпоративных интересах. Здесь была харизма, пусть преимущественно брутального свойства, здесь была правда момента, пусть понимаемая весьма специфическим образом. Постепенно отдельные районы города полностью переходили под контроль этих людей, другие районы еще колебались, и все меньше оставалось мест, где старая власть могла чувствовать себя в относительной безопасности.

В воздухе витало напряжение, такое напряжение бывает только перед страшными ураганами, нет-нет да и проносившимися над Москвой. Все ждали бури, и случилась буря. Гром, как всегда, грянул неожиданно. Группа золотой молодежи на четырех машинах, каждая из которых стояла целое состояние, находясь в изрядном подпитии, на бешеной скорости гоняла по улицам города, таким образом что-то отмечая. Неожиданно на Абельмановской, около кинотеатра «Победа», они открыли огонь из автоматического оружия по огромной очереди, стоявшей в магазин за хлебом. В очереди были в основном женщины и дети, многие оказались ранеными, некоторые тяжело. Это преступление буквально взорвало общество. Реакция была мгновенной. Стихийно организовалось преследование. Не в меру расшалившиеся юноши, быстро осознав опасность, развернули автомобили, пытаясь уйти по Марксистской улице в сторону Таганки, видимо рассчитывая на защиту внутренних войск, охранявших рогатины на Яузе. Но недооценили ни захламленности го-

родских магистралей, лишаящих превосходства двигатели их машин, ни решительности преследователей. Их гоняли по узким улочкам Таганки, как зайцев, не давая выбраться на магистрали. В результате одна машина перевернулась где-то в самом начале Верхней Радищевской, другую заблокировали уже на Яузской, но две все же успели пересечь Астаховский мост и спрятаться за охранявшими мост войсками.

Преследователи вступили в переговоры с военными, требуя выдать им преступников, настроены они были вполне решительно, но и военные не собирались уступать давлению, жестко дав понять парламентарам всю бесперспективность каких-либо требований с их стороны. Тогда на мост вывели семерых сильно избитых, но еще живых парней из двух захваченных автомобилей. Вся Подгорская набережная была запружена людьми, которые наблюдали, как пленников поставили на колени посередине моста и по очереди выстрелами из дробовика в затылок снесли головы. Потом под громкие аплодисменты, улюлюканье и свист тела их скинули в Яузу, а вслед за этим мост со стороны восставших был перекрыт баррикадой из строительной и уборочной техники, укрепленной для верности деревянными щитами. К вечеру баррикад насчитывалось уже сотни. Армия молча наблюдала за этими действиями, предпочитая не вмешиваться в события, а через день вообще снялась с бивуаков и покинула город, предоставив охранять власть растерянным и обозленным бойцам ОМОН и полиции, численность которых после

этого стала еще стремительней сокращаться.

Все семеро казенных оказались детьми представителей российского истеблишмента, и москвичи мгновенно почувствовали на себе всю силу мести этих людей. Сначала мятежные районы были отключены от подачи электроэнергии. Удивительно, как много в нашей жизни зависит от электричества. Теперь по ночам город погружался во мрак, люди передвигались с фонарями и даже с факелами, но предпочитали и этого не делать, в домах не стало воды, а это было стократ хуже, чем неработающие электроприборы. Вслед за этим полностью прекратилось снабжение продовольствием. Большинство людей сразу были поставлены на грань вымирания, особенно страдали дети и старики, впрочем, как и во все времена смут и невзгод. О чем думали те, кто принимал это убийственное решение, так и осталось загадкой. Непонятно даже, была ли это сознательная провокация или очередная глупость тех, кто полагал, что еще способен управлять в этом городе хоть чем-нибудь. Москва наполнилась различными слухами: говорили, что и правительства, и Думы, и самих премьера с президентом давно уже нет в городе. Говорили, что вся эта свора по ночам в массовом порядке вывозила свое добро под прикрытием танков и вертолетов. Много, видимо, добра нажили! Еще говорили, что из всех чиновников остались в городе только исполнители среднего и нижнего звена, да и те, как тараканы, норавлили расползтись по углам да щелям. Кто-то божился, что к Москве стягивают

полки стратегической авиации и войска химзащиты. Якобы для того, чтобы по команде применить химическое оружие против горожан. Много чего еще говорили!

Москва бурлила, кипела, наливалась ненавистью, как нарыв гноем. Не хватало только толчка, небольшой провокации или очевидной глупости, чтобы нарыв лопнул. Это случилось в начале июня, в день Святой Троицы, на Сретенке. Много в тот день пришло людей в храм Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках, чтобы послушать литургию и отстоять великую вечерню. Много больше, чем мог вместить старый храм. Тогда толпа верующих, которым не хватило места в церкви, попыталась прорваться к Сретенскому монастырю, но была безжалостно и жестоко разогнана отрядом спецназа, охранявшем проход в заграждении. Все выглядело так, словно этого выступления ждали. Люди в масках и камуфляже с видимым удовольствием лупили людей дубинками, стреляли в толпу шумовыми гранатами и резиновыми пулями. В считанные минуты все подходы к Рождественскому и Сретенскому бульварам были очищены от верующих, шедших молиться. На тротуарах лежали ветки березы и залитые кровью пучки травы, окровавленные фрагменты одежды и иконы, втоптаные в грязь. На пустынных улицах все это выглядело жутко, но Москва уже привыкла, что жуть стала частью ее повседневной реальности, а потому не съежилась от страха и не забилась по углам. Сразу по горячим следам кто-то пустил слух об отряде чеченского спецназа, устроивше-

го эту кровавую провокацию. Ни подтвердить, ни опровергнуть это утверждение никто даже не пытался. По существу, в тот момент людям было все равно, кто виноват персонально. Власть допустила погром, власть виновата в происшедшем, власть и должна была ответить за содеянное.

Ответного хода ждать долго не пришлось. Как столетия назад, над Москвой тревожно зазвенели колокола, загудели гудки и сирены. Люди выходили на улицы, вооруженные кто чем мог, и шли, шли к центру города. Ручейки их сливались в людские потоки, а те, в свою очередь, становились морем, мятежным, шумливым и грозным! Конечно, кто-то организовал эти потоки, конечно, кто-то управлял этим морем, но при взгляде на него сознание невольно переполнялось суеверным страхом перед темной всепоглощающей энергией массы и пониманием иллюзорности и тщеты всех попыток удержать ее в каких-то рамках. Жидкие кордоны полиции были сметены в мгновение ока, те из них, кто не был сразу разорван возбужденной толпой, спешно, в панике разбежались по подворотням, на ходу сбрасывая с себя все, что могло выдать в них представителей органов правопорядка. По Москве-реке плавали щиты и шлемы спецназа, иногда среди них плавали изувеченные тела самих их обладателей. Никто не считал нужным церемониться с теми, кого так долго и упорно ненавидели и если не боялись, то уж точно опасались практически все слои общества. Ни одна революция, никогда и нигде, не боялась крови. Человеческая кровь – топливо

революционной машины. А революция уже началась! Но это было еще только самое ее начало.

Передовые отряды революционно настроенных горожан, явно хорошо организованных, вооруженных и прекрасно обученных, штурмовали Кремль и все административные здания, нигде не встречая серьезного сопротивления. Центр города был пуст. Слухи, так долго смущавшие умы горожан, оказались достоверными. Все высшее руководство страны и города, вместе с семьями и многочисленными друзьями и родственниками, давно покинуло столицу, видимо найдя себе более безопасное место. Куда исчезли эти люди, так и осталось загадкой, больше никто их не видел. Они словно растворились в пространстве и времени, оставив по себе дурную славу, народный гнев, всеобщую ненависть и проклятия. Иногда, спустя много лет, доходили смутные слухи то об одном, то о другом из этих «призраков прошлого», скрывающемся от справедливого возмездия где-то в глухих уголках мира, но все они на поверку оказывались лишь ложным следом, ведущим в никуда. Людская молва, впрочем, доносила время от времени истории о «справедливом возмездии», с живописными подробностями от людей, знавших тех, кто знал того, кто об этом сам слышал. Насколько серьезны были эти утверждения, оставалось только гадать.

Город был захвачен восставшими в течение нескольких часов. На следующий день отряды их вышли к МКАД, теперь они были организованы, вооружены и готовились, ес-

ли потребуется, вступить в бой с частями регулярной армии. Но вернувшиеся разведчики принесли обескураживающую весть: позиции регулярных частей пусты, нет техники, нет солдат, а в походных лазаретах лежат кучи трупов, которые не успели похоронить. Армия либо ушла, либо просто разбежалась. Стало ясно, что чума уже ушла за границы Москвы и теперь косила людей где-то на просторах Родины. Как далеко могла уйти эпидемия, никто и предположить не мог. Ситуация резко изменилась. Теперь главной задачей стало не вырваться из города, а, наоборот, постараться никого не впускать в него. Объективной информации о том, что творится в стране, просто не было, так что мера эта была вполне обоснованна. Позиции армии заняли отряды самообороны, быстро переориентировавшие их на отражение угрозы извне. Проблема была только в том, что у революции так и не сформировалось единого центра, несмотря на все попытки организовать его. В городе, как грибы после дождя, возникали директории, коллегии, коммуны и даже независимые республики. Каждое из этих образований тащило одеяло власти на себя и плевать хотело на всех остальных, подчас весьма враждебно относясь к своему окружению. Конечно, сразу возник и некий аморфный, безликий и бесправный Координационный Совет, которому формально подчинялись местные органы самоуправления. Но на деле каждый революционный отряд или дружина предпочитали жить самостоятельной жизнью, мало обращая внимание на болтунов из КС,

весьма справедливо считая их самозванцами. Часто случалось, что глава какой-либо коммуны, недовольный тем или иным решением Совета, угрожал лично перевешать их всех на фонарных столбах, но не делал этого пока, потому что революции хватало врагов из внешнего окружения.

Большие боссы вовремя смылись, подставив вместо себя своих холуев. Им и пришлось отвечать перед восставшим народом. В среде этой номенклатурной помойки всегда было принято брезгливо выпячивать губу при слове «народ», по-барски высокомерно заявляя, что народа вообще не бывает, а есть только они – умные и успешные – и все остальное быдло. И вот когда это быдло тащило их теперь на виселицу, глумясь и линчуя по дороге, приходило ли им на ум, что народа этого, в сущности, нет? А народ этот был, да еще как был! И был он зол и злопамятен. Здесь ничего никому не забывалось и ничего нельзя было утаить. Охота на ведьм началась без раскачки, сразу, массово, безжалостно и кроваво. Революционный катарсис еще раз подтвердил это правило без исключений. Никаких особенных процедур не было, не было ни адвокатов, ни прокуроров, ни судебных слушаний. Часто дело вообще организовывали просто и без затей. Показывали толпе очередную жертву, кто-то рассказывал о явных и мнимых преступлениях данного человека и вопрошал толпу, достоин ли он жизни или смерти. Толпа жаждала мести, толпа хотела справедливого возмездия, толпа требовала кровавого искупления! Приговор тут же приводил-

ся в исполнение на ближайшем дереве или фонарном столбе. Повешение было самым популярным наказанием для тех, кто запятнал себя службой прошлому режиму. В обойме с ними шли провокаторы, сексоты и прочая публика, так или иначе получавшая свои серебряники от сгинувшего режима. Поэтому и висели на одном суку, вылупив друг на друга остекленевшие глаза, пока птицы не выклевывали их, журналист-стукач и писатель-провокактор, болтались на фонарных столбах, балконных решетках и ажурных парковых изгородях мелкие и средние чиновники, славные только поборами и умением брать взятки. Качались на ветру тела известных спортсменов, артистов, музыкантов, услужливо и умело пресмыкавшихся перед прежними хозяевами. Дружно, гроздьями облепила фонари Манежной площади думская «хамса», долго мнившая себя властью и брошенная теперь на произвол или на заклятие теми, для кого они всегда были только послушными холопами. В Останкинском пруду плавали десятки раздувшихся тел, разнося ужасное зловоние по округе. Местные уверяли, что это журналисты из телецентра «Останкино», но их, кажется, совсем не волновал вопрос, за что несчастных бросили на корм рыбам.

Люди ходили теперь по городским улицам, как по мастерской сумасшедшего художника, с жутью и оторопью вглядываясь в лица казненных. Вот скандально известная светская львица, по глупости своей всю жизнь бравшаяся за роли, которые ей было не по силам играть. Ей ничего не забыли и

ничего не простили, ее повесили за ноги на фонаре в Ильинском сквере. Почему именно так, неизвестно. Иные, знающие более других, говорили, что в этом якобы был заложен смысл, но никто из них не помнил, какой именно! На соседнем фонаре висело одно довольно известное «медийное лицо», прославившееся отменным хамством и наглостью, что обуславливалось его близостью к властным структурам. Тех властных структур уже не было, а врагов у него оказалось вполне достаточно, чтобы обеспечить место на фонаре. Впрочем, повешен он был без затей, за шею, и теперь его одутловатое фиолетовое лицо пугало прохожих сизым распухшим языком, торчащим изо рта. Дальше по аллее болтались еще какие-то более или менее известные москвичам висельники, сам факт присутствия которых в данной компании вообще вызывал у горожан искреннее недоумение и вопросы. А на Васильевской улице, в доме Союза кинематографистов, на оконной раме, словно чучело страшили, повесили маститого режиссера, при жизни очень гордившегося многовековым служением своих предков любой власти без разбора. Вот только с новой не сложилось, опередил кто-то!

Стояло жаркое лето, трупы разлагались на улице довольно быстро, что усиливало и без того сложную санитарную обстановку на фоне незатихающей эпидемии, от которой ежедневно уже полтора-два десятка тысяч человек отправлялись в мир иной. Моргусы и волонтеры давно не справлялись с задачей, их ряды также редели. Никто не знал, что будет зав-

тра. И для кого оно вообще будет. Люди быстро устали от разоблачений, виселиц и крови. Они жаждали тишины и покоя, многие только для того, чтобы умереть, другие для того, чтобы попробовать выжить. Ни то ни другое им не было гарантировано. Эпидемия не затихала. Революция ширилась. Казни продолжались. Старый мир рушился, грозя погрести под своими обломками всех, кто еще оставался в живых, а живые упрямылись и жили вопреки всему. Как? Загадка! Город почти не получал продовольствия, почти не имел электроснабжения и питьевой воды. Но именно это «почти» давало возможность людям выжить. А на сотнях стихийно возникших рынках можно было достать, что душа пожелает, разумеется, по баснословным ценам. Там торговали и меняли всё на всё. Практически за бесценок сомнительные типы с бегающими глазками предлагали награбленное из московских музеев в первые дни революции и абсолютного безвластия. Если повезет, можно было приобрести «Красные виноградники в Арле» Ван Гога из Пушкинского музея или «Неизвестную» Крамского из Третьяковки, но на такой товар люди велись неохотно, предпочитая что-то практичное, на сегодняшний день. Ибо завтра чума могла прийти в твой дом, и коллекция в лучшем случае досталась бы тупому мортусу, а то и вовсе сгинула бы в огне пожара. Впрочем, желающие половить рыбку в мутной воде всегда найдутся. Таким только дай волю, а уж и без того весьма облегченный багаж моральных принципов на них никогда давить не будет.

На город между тем навалилась новая напасть. Банды иногородних мародеров стали наведываться в столицу «за зипунами», едва ли не каждый день приходила информация о нападении этих отрядов на тот или иной район города. Приходили они подчас издалека, отличались особой жестокостью и жадностью, но, как правило, быстро самоликвидировались, иногда вымирая почти полным составом. Другим, более удачливым, которым удавалось избежать гибели и уйти с награбленным, путь домой оказывался непосильным предприятием, ибо сами они становились желанной добычей местных шаек, с энтузиазмом грабивших всех, кто перемещался по территориям, которые они считали своими.

Судя по отрывочным сведениям, что доходили до москвичей, такое происходило повсеместно, и не было в этом правиле никаких исключений. Великая страна корчилась в судорогах, очень похожих на агонию умирающего который уж раз за последние сто лет тела, но сейчас это казалось особенно беспросветным и безнадежным. Люди ждали Мессию, ждали Спасителя. Героя с сияющим в руках путеводным факелом. Великого правителя с простым и гениальным решением всех проблем. А вместо этого в одной Москве одновременно существовало два десятка правительств, оспаривающих друг у друга право считаться единственно легитимным. При этом были они одно чудней другого и не имели на реальную жизнь города никакого влияния, в лучшем случае являясь объектами постоянных язвительных острот еще не утративших чув-

ства юмора людей. Одно время забавлял народ московский воссозданный Верховный Совет СССР, заседавший на Старой площади в бывшем здании Администрации президента, поскольку в Кремль его не пустили конкурирующие правительства. Единственное, чего им удалось добиться, так это забрать себе тело Ленина из Мавзолея. С этой мумией они и заседали недели две, пока чума полностью не выкосила их ряды. Пришедшие в дом мортусы не стали вникать в тонкости момента, выясняя, кто здесь свежие жмурики, а кто музейный экспонат. Они просто собрали тела и увезли в неизвестном направлении, а само здание подожгли для верности.

Сгинувших самозванцев из Верховного Совета вряд ли кто помянул добрым словом, ровно как и остальных им подобных. Народ давно перестал обращать внимание на болтунов, тешущих свое тщеславие на костях умерших. Третий месяц свирепствовала чума, и конец ей виделся только со смертью последнего горожанина, и как всегда в трудные времена невзгод и несчастий, столь щедро достающихся на долю несчастной страны, многие стали искать защиты и спасения у Бога. Многие шли еще дальше и искали самого Бога, с радостью находя Его в своем сердце. Популярными стали у горожан разговоры о Добре и Зле, о Свете и Тени, о Милосердии и Любви. Рассуждения о текучих и подвижных границах между Раем и Адом. «Если сегодня здесь Ад, – говорили они, – это значит, что ад внутри нас!»

Для многих вдруг очевидной стала истина, которую они

игнорировали столь долго. Самые наблюдательные давно обращали внимание на то, что эпидемия не затрагивала детей до двенадцати лет. Менее очевидно, но очень привлекательно звучало утверждение, что чем меньше злобы и ненависти в человеке, чем меньше он проявляет агрессии, тем меньше у него шансов заразиться чумой. Вдруг что-то сдвинулось в умах людей. Они стали опасаться не только проявлять агрессию и насилие, но и простую грубость в быту старались исключить полностью. Теперь каждый человек, как занозу, носил в себе простую мысль: я – граница между светом и тенью!

Было ли это простым стечением обстоятельств и цепью случайных совпадений, или во всей этой мистике действительно заложено было рациональное звено, пусть каждый решает для себя сам, но факт неоспорим: эпидемия с того времени действительно пошла на убыль. У людей появилась надежда, которая с каждым днем перерастала в уверенность, что, заплатив смерти страшную цену, они смогли отстоять свое право на жизнь. Старая мудрость учит: «Люди не хотят жить вечно. Люди просто не хотят умирать».

Эпидемия закончилась. Чума ушла. В тот день, когда в городе не было зафиксировано ни одной смерти от болезни, выкосившей едва ли не половину его населения, над Москвой разразился небывалый по силе ливень, который даже вообразить себе доселе было трудно. Дождь стоял стеной, словно ангелы в небе продырявили огромную дыру. Потоки воды

смывали с домов и тротуаров всю грязь, что налипла на них за эти ужасные месяцы. Улицы и бульвары превратились в реки, по которым бурные потоки воды несли прочь все, что должно было исчезнуть из новой жизни. Люди попрятались от стихии по домам. От могучих раскатов грома здания будто проседали вниз и дребезжали, как хрусталь в серванте. Ослепительные молнии, как вспышки старого фотоаппарата, выхватывали неверные силуэты пустынных улиц и площадей изумленного города. Словно бы ни одной живой души не осталось вдруг. Только на Красной площади, одинокий, подставив иссушенное лицо под жесткие струи дождя, самозабвенно плясал, шлепая по лужам босыми ногами, какой-то юродивый. Он вздымал руки вверх, смеялся, обнажая воспаленные беззубые десны, плакал навзрыд, хлюпая горлом, и хриплым голосом кричал небу: «Очищение!»

Спустя несколько дней горожане уже вполне освоились со своим новым положением – людей, победивших чуму. Необходимо было обустраивать свой быт и наводить порядок в городе. Как раз в это время в районе Воробьевской набережной, напротив «Лужников», прибило труп. Много их тогда плавало в реке. Мужчины из местной добровольческой милиции баграми вытащили его на песок и тут поняли, что выловили Ленина. Переглянувшись, молча они сбросили тело обратно в воду и оттолкнули его подальше от берега. Но по иронии мумия Ильича еще пару дней болталась на воде в районе Новодевичьего монастыря. Никак не хотел вождь ми-

рового пролетариата покидать несчастный город. Потом он пропал: может, рыбы съели, может, дальше поплыл, а может, и пожалел кто, закопал в безымянной могилке. Закончилась эпоха! Опустошенная страна приходила в себя, подсчитывая убытки и размышляя, как ей жить дальше. Люди понимали, что трудности впереди еще будут, но верили: самое страшное уже позади.

Два месяца спустя, холодным дождливым ноябрьским утром, в переполненном вагоне лондонского метро на станции «Пэддингтон» появилась старуха. Она осмотрелась по сторонам и живенько направилась к огромному фиолетовому, как баклажан, негру, нагло развалившемуся сразу на двух сиденьях скамейки...

2013 г.

Последняя сказка

В Лесу царили Гнусь и Смрад. По чахлой, жухлой траве среди зловонных куч мусора, прошлогодней листвы, гнилых объедков и полуразложившихся экскрементов бродили вшивые оборванцы неопределенной наружности. Иные чересчур щепетильные личности из заезжих и доморощенных интеллигентов удивлялись:

– Это как же надо жить, чтобы все так загадить?

– А что такого? – отвечали аборигены. – Если не принимать, не приглядываться и не прислушиваться, то очень

даже ничего – вполне комфортно. Ведь дело не в приоритетах, а в тех, кто их расставляет! В конце концов, давно известно, что у нас свой путь, особенный, и этого нельзя не учитывать. А если кому запах не нравится, то нефиг вообще дышать...

Старый лесной клоп, вонючий, как падаль, и красный, как спелая клюква, несмотря на свой прогрессирующий маразм, прекрасно помнящий самые пикантные подробности чужого прошлого, прямо заявил:

– Говнецо – это ничего, в смысле медицины оно даже полезно! Я даже больше скажу, если вокруг все говно и сравнивать не с чем, то на вкус оно как папайя или, допустим, ананас. При старом Леснике мы дерьма много съели и только духом окрепли! Враги этого духа как огня боялись, иные впечатлительные натуры даже чувств лишались. А нам хоть бы хны! Сидели себе смиреннько да тихонько смердели друг на друга. Прежние Лесники такое качество очень в нас уважали. Самые удачливые в результате больших высот могли достичь. Честно говоря, только из говна и получают настоящие чиновники, уж я-то знаю!

Скакавший мимо молодой взъерошенный воробей досадливо щелкнул клювом по клопину темечку:

– Утомил, дед. Из-за таких, как ты, в Лесу не продохнуть. Съесть бы тебя, да противно. Связываться не охота.

Обиженный клоп, окружив себя густым облаком зловония, язвительно ответил:

– А может, я потому так долго живу, что со мной никто связываться не хочет. А ты, дурак, чирикай – беда болтунов любит!

Клоп забрался было под сухой лист, но тут же высунулся обратно, злобно пообещав:

– Погодите, еще попомните... В нашем Лесу никто не имеет права чирикать безнаказанно! А набздеть я еще много смогу. Был бы спрос!

Воробей на минуту задумался: «А ведь и впрямь может. Хорошо – у меня крылья, а каково кроликам...»

С тем и упрыгал дальше.

Подобные разговоры с некоторых пор являлись неотъемлемой частью жизни обитателей Леса. Бузили все, даже паразиты, которым, в общем-то, и жаловаться было не на что. А мухи, сволочи, просто обнаглели. Расплодились в таком количестве, что стали сбиваться в банды мародеров-наильников и однажды даже уволокли взрослого лося на макушку ели, запихнули рогами в дупло и оставили бедолагу сутки трубить от страха на десятиметровой высоте. Хулиганы требовали от сохатого права на восемьдесят процентов его шкуры (для разведения личинок), а тот соглашался только на кончик куцего хвоста, вот пацаны ему конкретно и разъяснили, кто в Лесу хозяин!

Зайцы из регионального отделения партии экуменических персоналистов «Капустные братья» подняли вопрос об аморальности плотоядия в современных условиях, обосно-

вывая свою позицию тем, что в конечном счете всех нас нашли в капусте! Зайцы не только подняли вопрос, но и понесли его на суд общественности, однако по дороге были съедены ею с потрохами.

– Время еще не пришло, – констатировал сей факт матерый волк, сыто рыгая и ковыряя грязным когтем в зубах.

В целом надо признать, что недоразвитость общественно-го сознания лесной братии с лихвой компенсировалась ее беспорядочной активностью, а всеобщая любовь к категорическим императивам и морализаторству разом превратила «нормальных» шизиков в депрессивных параноиков и социопатов.

– Пороть нас некому! – подвел общий итог безрадостных рассуждений сопливый слизняк.

– Хозяина нет, вот мы и обнаглели.

Убежденность в том, что без Лесника Лес – дикие джунгли, была почти культовой. Культовыми были и сами персоналии. Аборигены хорошо помнили, как Первый Лесник вознамерился создать Африку в отдельно взятом лесу и с этой целью содрал три шкуры с его обитателей. Впрочем, когда зимой большая часть зверья вымерла от холода, оставшимся пришлось часть вернуть, но уже только во временное пользование.

Его преемник пошел еще дальше. Окружив территорию колючей проволокой и пустив по ней ток, суровый новатор купировал птицам крылья, кошкам и собакам хвосты и уши,

а всем недовольным – вместе с ушами и головы. Он выжег каждому на тощей голой заднице свое личное тавро с серийным номером, распределив Лес по просекам, а зверье – по баракам, и опять отобрал шкуры, заявив, что пора уже растить новые – африканские!

Шкуры с тех пор стали расти как-то неохотно и все больше шерстью внутрь. Но многим эксперимент понравился!

На фоне таких титанов последующие Лесники выглядели довольно бледно. Запомнились они разве что сентиментальной любовью к хоровому пению хвалебных гимнов в свою честь, нездоровой сорочьей страстью к коллекционированию всякого рода металлических побрякушек и невинным селекционным отстрелом инакопрыгающих, бегающих и летающих. Один из них, впрочем, народ лесной здорово повеселил: как что не по нему, психанет – и ну в собеседников своими башмаками швыряться, сколько он их разбросал – не сосчитать. Швыряет направо и налево и приговаривает: «Пидорасы, абстракционисты, космополиты еловые, я-то ничего, я-то смирный, вы еще Кузькину мать не видели, вот где страх-то!»

В общем, эстет и альтруист (в определенном смысле) был этот добрый человек.

А вот последний Лесник, наоборот, любил всяких уродцев, предпочитая, впрочем, исключительно ручных. Много он их вокруг себя развел. Умиляло его, как они, пища и пихаясь, по первому его свисту спешили за кормом. И такие

они забавные при этом были, такие смешные! И ладошку вылизут, и на задних лапках спляшут, и даже в теннис с ним сыграют! Ну так хорошо, что рядом с ними отогревался он душой и сердцем! Одно плохо: как выпьет лишнего, так обязательно какую-нибудь гадость в дом тащит. Гладит за ушами, целует в лобик да приговаривает:

– Вот он, сыночек мой, вот он, наследничек!

А проспится, поглядит вокруг мутным взором да как гаркнет:

– Это что за говнюк у меня на столе сидит?!

Хрусть ногтем – и нет наследничка! Что и говорить, матерый был человечище, одно слово – Хозяин! Видимо, в один из таких запоев приволок он невесть откуда паука в стеклянной банке. Паучок был маленький, худенький, носик остренький. Одни глазки живые бегают туда-сюда. Сразу видно, голодный! Лесник ему мясца свежего с кровью дал, а тот немного перекусил, а что не осилил, по-хозяйски паутинкой оплел на черный день и скромненько в уголочке притих благодарно, глазенками-бусинками сверкая.

– Вот ведь он какой, сынуля мой! Почтительный!

Прослезился тут Лесник, хряпнул еще стопочку и вышел до ветру. Больше его никто в Лесу не видел – как сгинул мужик...

Сначала этому никто значения не придал. Все думали, чудит дядька, погуляет и вернется. Но время шло, а его все не было. И тогда заволновался лесной народ:

– Как же так... без Хозяина-то?

– Без Хозяина нам никак нельзя – помрем!

Выбрали представителей от общества и пошли к сторожке. Пришли, глядь, а сторожки-то и нет. Пустая поляна, да паутина по деревьям клочьями висит. Заскучали тут звери, испугались.

– Не умеем мы, – говорят, – коллективно Лесом управлять. Не научили нас прежде. Надо старшего выбирать.

Претенденты, впрочем, быстро отыскались. Особенно одна жаба старалась.

– Я, – кричит, – однозначно самая достойная! Во-первых, я ядовитая, а во-вторых, ежели начну икру метать, вам всем места в лесу мало станет.

Дали ей в рыло, чтобы не выступала. Но вопрос тем не решили. А тут еще дятел долбит своей красной башкой о сухой пенек и орет почему зря:

– Каждый работяга получит от меня по одной диетической личинке в сутки. Плюс бесплатное лечение у травматолога, а люди творческих профессий даже у проктолога, и это не считая возможности ежедневного созерцания восхода новой зари!

Дурную птицу утихомирили лошадиной дозой промедола. Дятел – и есть дятел, что с него взять, ежели он всю жизнь на голову стукнутый?

Время шло, а приемлемого решения не находилось. Лесной народ поднял такой гвалт с мордобоем и матюгами, что

из соседнего леса, привлеченные шумом, стали зеваки подтягиваться, и что характерно, каждый со своим советом или даже планом окончательного решения всех проблем. Больше всех пеликан один старался, все поучал:

– Чего орете, работать надо, а не глотки драть...

Очень обиделись на него аборигены. Особенно жаба оскорбилась.

– Все, – кричит, – подонки, однозначно! А этот, с кошельком вместо клюва, – первый поденок! Ишь чего удумал! Мы, значит, вкалывай от зари до зари, а он наше кровное себе в хайло запихнет – и поминай как звали! Они всю жизнь такие! Зажрались, суки! Видела я тут ихнего крокодила, это сколько надо продуктов извести, чтобы из обычного тритона такую сволочь вырастить?

Плюнул пеликан досадливо и улетел, сопровождаемый завистливыми взглядами.

– Холеный, гад, а тут весь зад в клещах да морда в прыщах. Эх, не везет нам...

Не на шутку испугались обитатели леса своего сиротства. Совсем приуныли было, но тут один тощий, облезлый медведь-шатун с голоду да недосыпу о пауке вспомнил:

– Прежний Лесник не дурак был. Знал, небось, кого наследником назначать! А что до меня, так мне все равно, под чью дудку плясать. Лишь бы кормили от пуза!

Огорошенные медвежьей откровенностью, обитатели леса не нашли, чем ему возразить, а может, и не захотели: зима

как-никак уже на носу была. Решили они тогда всем скопом:

– Конечно, паук не орел, чего уж там кокетничать. Тварь он, тварь и есть. Однако тоже ведь не чужой, а свой – доморощенный! К тому же если сильно прищуриться и посмотреть сбоку, под острым углом, то, как стали уверять некоторые анонимные личности, он даже вполне симпатичный, даром что хелищеровый.

Подумав недолго, отправилось зверье пауку челом бить, да не тут-то было. Всю поляну вокруг паучьего логова теперь местные паразиты оккупировали, и никак сквозь их плотные ряды не пробиться было. Раньше-то все эти клещи, пиявки, комары да трутни поодиночке «трудились», каждый в своем регионе, а теперь вдруг все разом под мохнатую лапу подались в чиновники определяться. Потоптались лесные голодранцы у подножия паучьего Олимпа, удивляясь, как много вокруг них уже паутины наплелось, да тихо расходиться стали. Только самые упрямые задержались.

– Мы, – говорят, – не уйдем, пока чаянья наши и думы горькие до Самого не доведем. Нам теперь все одно! Пусть выходит, а не то худо будет!

Но не очень-то их испугались. Сутки ждали, двое, на третьи явился к ним старый знакомый слизень. Важный такой, раздувшийся и еще более скользкий, чем раньше.

– Чего шумите, господа хорошие? – спросил с мягким укором, за которым самым пронизательным слышались нотки скрытой угрозы. – Покою от вас нет. Их лесное высо-

коблагородие изволит почивать на лаврах после дел праведных, а вы мешаете естественному процессу.

Тут молодой воробей даже сплюнул с досады:

– Это какие же такие дела? Что-то мы ни одного не видели! Одной паутиной пол-леса запаскудил – и все. Скоро летать негде будет!

– Это все потому, – назидательно отвечал слизень, – что мозги у тебя воробьиные, оттого и не видишь дальше своего клюва. Их высокопревосходительство не покладая жвал плел вертикаль паутины, в чем преуспел всесторонне, а отдохнет немного – и за горизонталь примется. Что же касается полетов, то летать тоже надо уметь! Кончились времена брожения и шатаний. Идет новая эра порядка и тотального контроля в рамках демократических преобразований. Есть лицензия – пари орлом! Нет – крылья долой, претенденты всегда найдутся!

Слизень расчувствовался, рассопливился и заскользил вниз по пригорку.

– Вот наши лучшие кадры! Новые соколы, так сказать, – заявил он, указывая на небо.

Ошалевшее от административных новаций зверье, открыв пасти, с изумлением смотрело, как над кронами деревьев, неумело дрыгая конечностями, кружили: тощий медведь-шатун, ядовитая жаба и еще добрый десяток таких же чудных персонажей.

– Не все еще пока получается, – комментировал слизняк

их неловкие движения в воздухе, – но, как говорится, не боги горшки обжигают!

Под шумок никто и не заметил, как болтливого воробья уволокли куда-то в чащу четыре здоровых кукушонка, по дороге обрывая перья с крылышек.

– Да, ребята, видимо, нам и впрямь пора по домам, – сказал полоумный дятел, вмиг излечившись от своего сумасшествия. – Мне бы промедольчику да личинку пожирней – и все, я не в претензии!

И побежал по земле на коротких лапках, опасаясь летать без лицензии. Остальные сиганули врассыпную вслед за ним. Вмиг поляна опустела.

– То-то же! – удовлетворенно констатировал сей факт слизень и, вспорхнув, элегантно заскользил по воздуху в сторону паучьего логова.

А паук тем временем все так же тихо сидел в своей норке, и только две бусинки-глазка его ярко горели в темноте. Жутко горели, надо сказать. Угрожающе!

Много ли с тех пор времени прошло, мало ли, трудно сказать: только в самом Лесу ничего не изменилось. Кто был с голым задом, тот с ним так и бегаёт, высунув язык. А у кого с шерстью побогаче было, те даже выгоду себе от того поимели. Попришивали на шкуру форменные пуговицы, погоны с большими звездами да все как один на службу определились. Теперь куда ни плюнь – кругом «ихния благородия», сидят и внимательно смотрят, чтобы не пропустить того важного

момента, когда быт аборигенов лесных стремительно улучшаться начнет.

Более того, от бдительного созерцания у многих даже видения начались. Стало им казаться, что быт этот и впрямь налаживается. Ну что тут скажешь, когда уже коровы летать стали! В общем, успокоился Лес. Притих. Даже воробей опять объявился. Только узнать его теперь трудно было. Тощий, общипанный, молча скакал по дорожкам и от каждой тени шарахался.

Повстречал его как-то старый лесной клоп, тот самый ветеран почетный и уважаемый. Расправил фалды пышного генеральского кителя, забренчал наградами и сказал ехидно, но как-то даже по-отечески:

– Ну что, жиденок, дочирикался? А я ведь тебя предупредал, советовал. В нашем Лесу лучше лишний раз перебздеть, чем, упаси господи, недобздеть малость. Жизнь штука вонючая, это понимать надо!

Сказал и уполз в чащу, а ведь мог бы и улететь. Но клоп был взглядов консервативных и новаций молодежи не поддерживал, что, впрочем, ему прощалось. Что взять с говнюка старого? Пускай себе ползает, лишь бы под ногами не путался.

Лесной молодняк, кстати сказать, паука очень полюбил. Один хорек в его поддержку даже партию организовал, «Жующие вместе» называлась. Верноподданнические демонстрации устраивал с песнями и бесплатной раздачей ха-

лявы. Но кто-то донес на хорька, мол, партия его на самом деле зовется «Жующие вместо...». Задумались тогда некоторые: «А вместо кого, интересно?» – и хорька быстро, без лишнего шума куда-то убрали. И правильно, между прочим, сделали. Нефиг лезть, конечно, в Лесу всего хватает, но далеко не всем!

Однако недовольные в лесу все же остались. Куда же без них! Собрались они как-то все вместе и решили еще раз сходить к пауку, по душам поговорить. Мол, не пора ли тебе, «хелицерový», уже что-нибудь полезное для народа сделать или место освободить, коли ноша тяжела?

Воробья с собой звали, да только он плюнул в сердцах и упрыгал в соседний лес, где, как говорят, всех пауков давным-давно дустом потравили! Впрочем, врут, наверное... Однако диссиденты эти далеко не ушли. Сделали по паре шагов да увязли, как один, в липкой паутине, которая к тому времени весь лес оплела. Висели они в ней, дергались и громко возмущались:

– Это что же такое, где правда? Где справедливость? Дашь честные выборы нового Отца родного, который и мордой пригож, и лап не более четырех на одно туловище.

Смешно, право слово! На такой должности лапы сами отрастают, чего зря вопить?

Чем больше «ходоки» трепыхались, тем больше в паутине запутывались, но шума меж тем немало создали.

Выполз к ним тогда опять слизень, то ли тот же самый, то

ли другой (кто их разберет, беспозвоночных?). Распластался он по поляне, огромный, как грязная лужа после сильного ливня, и сердито спросил:

– Чего, паразиты, глотки дерете? Их лесное величество отдыхать изволят!

– Мы – не паразиты! – возмутились представители оппозиции. – Мы – честные граждане демократического Леса, а вот это самозванное величество только и знает, что отдыхать. При таком режиме ему и работать некогда. А ну, тащи сюда этого «гаранта», мы ему жвалы-то начистим, мы ему... ать... мать... размать... – ругался заляпанный паутиной демократический электорат, нимало не смущаясь своей врожденной интеллигентности.

Но слизняка их гнусные выпады нисколько не тронули.

– Надо, – веско сказал он, – внимательно читать прессу. По новому постановлению императорского серпентария именно вы и являетесь паразитами, и другим паразитам не бывать! Да и вам недолго осталось ерепениться. Паутинка-то, она только с виду легкая да тонкая, а на самом деле крепкая, как удавка!

– Караул! – завопила испуганная оппозиция. – Кровавый заговор! Требуем допустить нас к его вечно спящему величеству, может, его и нет совсем! Кто он, господин паук?! Кто он?!

Шум поднялся такой, что хоть всех святых выноси, грандиозный получился шум! Но среди всеобщей суеты и гвалта

раздался ехидный голос слизняка:

– Посмотреть хотите? Это можно! Грех отказывать народу в последнем желании.

И тут только заметили бузатеры, что в лесу как-то резко потемнело. В мертвой тишине с ужасом наблюдали они, как огромная тень, медленно надвигаясь, заслонила собой яркое полуденное солнце. Холод и мрак вмиг опустили на Лес. Высоко, намного выше самого высокого дерева, широко расставив свои лохматые лапы, стоял огромный паучище! Его острые как бритвы жвалы со страшным металлическим скрежетом терлись друг о друга, наводя этим звуком смертную тоску и ужас на тех, кто сразу не умер от первого приступа животного страха. Огромные красные глаза невиданного зверя горели адовым огнем, и был в них космический холод, пустота и абсолютная безжалостность, которую невозможно описать словами.

Тогда только даже до самых безмозглых обитателей леса дошло наконец, что если все и казалось дурной сказкой, то сказка эта была последней.

Так-то вот. А вы думайте...

2005 г.

Наталья Якушина

Родилась в Бресте, живет в Подмоскowie. Окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте им.

А. М. Горького. Член Союза писателей Москвы, Интернационального Союза писателей, Национальной Ассоциации Драматургов. Редактор раздела драматургии журнала «Литература». Организатор Международного драматургического конкурса «ЛитоДрама», Семинара современной драматургии под руководством И. Райхельгауза при Школе современной пьесы. Прозаик, драматург, журналист.

Яковлев и бес. Записки из Коктебеля

Я хотела этот рассказ назвать «Заметки из Коктебеля. С Яковлевым и без», но Яковлеву не понравилось. И тогда я предложила другой вариант: «Яковлев и бес. Записки из Коктебеля». Яковлев заулыбался и одобрительно закивал.

Дом Гули

Лев Яковлев повел на этот раз не в Лисью бухту, а на улицу Грина. Наш маршрут пролегал через безжизненные горы, впереди совершала восхождение одинокая девушка. Мы ее спросили, не идет ли она туда же – на улицу Грина, девушка недоуменно оглядела местность и ответила, что даже не предполагает, каким образом здесь может оказаться какая-либо улица. Но Яковлев не унывал и убеждал нас следовать за ним.

«Вы же знаете, я всегда куда-нибудь выведу», – говорил

Яковлев. И мы медленно и устало тащились за ним, как евреи за Моисеем.

Мы добрались, но джазовый концерт на улице Грина перенесся на два часа позже. Нам гостеприимно предложили переночевать в японском домике. Настоящем трехугольном японском домике с умиротворяющим садом.

В главном доме висела люстра из цветного стекла, находились уютный камин и диваны. На стенах висели чудесные картины: вернисаж лучших художников Крыма. Во дворе рос виноград, и нас ждала настоящая чайхана на веранде.

Хозяйка усадьбы на улице Грина – Гуля. Атмосфера у Гули самая что ни на есть волошинская: хаотично распределившись по гостеприимному дому, сновали туда-сюда творческие люди.

Я рада, что Яковлев нас туда завел, хотя мы так и не попали на джазовый концерт. Зато нас угостили виноградом. И мы увидели своими глазами, что в суровых киммерийских горах есть улица Грина. И даже японские домики и сады.

Фая и Венечка

Оказывается, в номере гостиницы вай-фай тоже работает, а я, как полная психопатка, провела час у бассейна, на морозе, с охрипшим голосом.

Фая сегодня много рассказывала про всех интересного: кто из-за какой писательской сволочи покончил жизнь само-

убийством или сошел с ума. И я сказала, что мужчин нельзя любить, их надо угнетать и истязать, пусть они плачут и страдают, а не мы... такие красивые, талантливые, умные, замечательные... Про нас, женщин, можно говорить хорошее бесконечно. Тем более нельзя влюбляться в писателей. А если в поэта – то вообще крышка.

Фая рассказала, как она познакомилась с Венечкой Ерофеевым в первый раз. Замечу, что многие поэты знакомились со мной раза три, каждый раз приговаривая: «Такая интересная девушка. Я вас раньше не видел». Так много раз знакомился со мной поэт Герман Власов. И поэт Евгений Чигрин.

Фая – красивая, молодая – бежала на поезд, который вот-вот отойдет. Бессовестно опаздывала. У нее на ногах – босоножки на огромных платформах. Мужики вслед говорили: «Эта на ходулях не успеет». А Фая разбежалась и запрыгнула в поезд, как грациозная лань, в последний вагон. Эту сцену наблюдал из окна писатель Венечка Ерофеев. И, конечно же, он, движимый туманными желаниями, захотел эту прыгучую девушку найти, ему было удивительно, что она, которая никак не могла успеть, успела... На его глазах свершилось волшебство. Венечка бродил по вагонам, заглядывал в каждое купе и не находил девушки. А Фая предусмотрительно сменила черную куртку на красную, вернее, куртка была двусторонняя. И еще Фая надела на голову капюшон, погрузившись сразу в чтение книги.

Венечка потом долго вспоминал в беседах с друзьями, что видел однажды настоящее и чудесное видение – прекрасную девушку-китайку на ходулях, которая запрыгнула в отходящий поезд, а потом таинственно исчезла, растворилась, рассеялась.

Встреча в кафе «Московское»

Поесть мы любим в кафе «Московское». Вчера официантка заметила, что мы, писатели, как одна большая семья: одни приходят, другие уходят, и размножаемся мы, как тараканы. Ежик, оказывается, затаил на нас с Саньей обиду за то, что мы как-то зимой, по дороге из Литинститута, купили ему картошку в «Макдоналдсе», и он за это решил отомстить нам и оплатить наш ужин в кафе. Мы с Саньей тут же сообразили, что надо бы наладить выгодный бартер, и пожалели, что мы тогда не купили Ежику еще и чизбургер. И сегодня мы пришли, а там – драматурги, и мой «любимый» Олег Михайлов, который очень возбужденно меня встретил, стал показывать всем каталог липкинских писателей (с собой носит) и называть меня Якушкиной. Видимо, Михайлов хотел поиздеваться над тем, что мою фамилию исказили. А что я сделаю, это все Сенчин, «великий редактор и составитель» липкинских сборников, не умеет фамилии копировать и вставлять.

Олег начал задавать мне издалека по этому поводу во-

просы, на что я ответила блистательно: «Я плохо слышу, и если вы, Олег, хотели мне что-то сказать, то подойдите и скажите». И он не подошел. Конечно же, не подошел, ведь он невоспитанный. Мы сидели за разными столами, как два враждебных драматургических лагеря.

Я выпила три стаканчика портвейна и, уходя, решила протянуть руку мира. Никто не ждет, а я протяну. Олег дружелюбно взял у меня автограф. Я написала ему: «С любовью!» Олег еще раз спросил, почему исказили мою фамилию. Я ответила, что я не сержусь на то, когда ошибаются другие, потому что сама часто ошибаюсь и путаюсь в фамилиях. И Филатов, руководитель фонда, извинился передо мной публично. Михайлов всем тогда торжественно сообщил, что испытал оргазм. И спросил, не хочу ли я получить его автограф на моем экземпляре каталога. Признаться, мне польстил бесконтактный оргазм Олега Михайлова.

Слава не танцует на столе

Слава Харченко сделал вывод, что я лидер, а потому подавляю мужчин. И почему-то начал говорить, что он бы пристал ко мне, но его желание крайне вялое... Не знаю, почему подавленные мужчины чувствуют себя обязанными приставать ко мне. Я всего лишь заметила, что Слава как мужчина мог бы и развлечь двух дам беседой. И началось: «Что мне, на столе танцевать?» – и я грустно констатировала факт:

«Слава не танцует на столе». «Хорошее название рассказа. Дарю», – поддержал Слава. На что я ответила, что не гордая и возьму... Тем более я сама его придумала.

Правильно Светлана Василенко говорит про этих писателей: «Они забыли, что у них в штанах».

Но, между прочим, мне иногда встречаются мужчины, которые умеют относиться к женщине как к женщине, и я себя с такими ощущаю без всяких проблем хрупкой и нежной, мне это приятно... Забота, снисхождение...

Вчера не получилось кататься на лошади, а завтра конная прогулка состоится. Сначала мы будем двигаться медленным шагом, потом плавно перейдем в галоп, затем – в рысь... Я боюсь рысью. Но мне сказали, что главное – не показывать лошадям страха.

Я не хотела рысью. Конная прогулка

Я не хотела рысью, о чем прямо заявила. И не было никакого плавного галопа, а сразу началась рысь. Девушка впереди меня упала с лошади. Но быстро вскочила и заявила, что опять галопом согласна. И мы двинулись... в сторону кладбища. А до этого туристы с часовой экскурсии без галопа возвращались, и все стонали. И инструктор говорит: мол, хватит стонать, сейчас эти три отважные девушки поедут на двухчасовую с половиной экскурсию рысью. Стало страшно.

Мне дали не коня, а кобылу Маню. Маня оказалась сприн-

тером. Выдавала семьдесят километров в час, легко перепрыгивала канавы, метр в высоту брала. Я ощутила себя ковбойшей с Дикого Запада. У меня горы в глазах плыли, будто я алкоголя через край бахнула.

Инструктор же настраивал на эротический лад. Сообщил про седло-вибромассажер и как им правильно пользоваться. А еще он так галантно яблоки в руки мне вложил, так многозначительно, чтоб я лошадей покормила. А потом мое ожерелье крайне заботливо под майку спрятал...

Мы посетили Султанские купанья, каменные ванны в горе. И почему-то все нас обвиняли в том, что мы комаров с собой привезли. Наверное, это местный обычай: «Эй, туристы! Опять комаров с собой привезли?»

Экскурсовод всю обратную дорогу рассказывал, как одна женщина два дня назад расческу в ладонь вогнала, а один мужчина родео устроил, а другую женщину двое суток искали в степи... И сам он весь порвался, показал в качестве доказательства многочисленные шрамы.

В конце нас ожидали закат и голубые горы... Бонусом нам устроили джип-сафари на «Ниве». Предложили остаться навсегда. Но мне нужно было в ресторан «Крым» на банкет, где Союз российских писателей устроил нашу судьбу с Санней Шавалиевой, посадил нас рядом с писателями-мужчинами из-за границы, и теперь я в Германию еду, а Саня – в Финляндию.

День рождения М. Г.

Вчера отпраздновали день рождения Максима Гликина. Максим праздновал свой день рождения в компании, где его почти никто не знал. Сначала мы выпили за Германа Власова, а потом Власов исполнил два стихотворения, посвященных Вячеславу Харченко. Что-то про бутылку-лекарство, которую Харченко несет по пляжу, утопая в песке... К счастью, стихотворения о Харченко закончились, хотя Герман умолял принести ему нетбук, и мы перешли к поздравлению Максима. Ели бастурму из Армении.

Оказалось, что Максим прекрасно играет на гитаре, и такие песни красивые и непростые. Мне больше всего про асфальт понравилась. А сначала он спел шуточную песню про Харченко, переделку песни Высоцкого «Песня о друге» («Если друг оказался вдруг» и т. д.) на украинском языке, и, надо сказать, она мне очень пришлась по душе... Яковлев пошел купаться нагишом с Максимом, после чего Яковлев вернулся подозрительно больной и красный...

В соседнем эллинге тоже отдыхала компания, и выяснилось, что хозяин – бард с многолетним стажем, настоящий крымский абориген. Владимир Быков. И именно он сочинил песню «А ты опять сегодня не пришла, а я так ждал, надеялся и верил». И слабал нам еще много всякого... В это время пришли снизу, а мы сидели на террасе второго этажа, и

предложили угли, если нам надо. Яковлев попросил поухаживать за ним и передать ему рыбу, и я иронично заметила: «Если мужчина не ухаживает за женщиной, то женщина – за мужчиной». И девушка Инга меня похвалила за ясный ум. Мне было приятно.

А потом я ушла, шла одна по темному Коктебелю, возле волн... И я не знала, куда идти. Меня не ограбили и вообще не цепляли. Чего-то грустно стало. Наверное, плохо, что я пошла одна, но не хотелось сидеть в той компании. Вот так бывает: весело, весело, а потом – бац! – и грустно. Не то что там кто-то меня раздражал, не мое просто... Чувствовала себя чужой. Но я собралась и сказала, что хватит ныть и жалеть себя. И вроде полегчало. Хотя Максим чудесный. Классно играет на гитаре и поет. Вечер был душевный...

Мастер-класс

Мой рассказ «Огонь и Холод» обсуждали на мастер-классе от журнала «Дружба народов» и Союза российских писателей. Очень интересная развернулась дискуссия, как всегда. Светлана Чураева назвала мою прозу жирной. На что Лев Яковлев отпарировал, что жир надо как раз убирать, назвал себя страшным критиком. «Это невероятная пошлость, а не литература! Плохая попытка что-то создать!» – кричал, отчаянно жестикулируя, Яковлев. И зачитал самые «жирные» места. С выражением. «Очень красиво читал, у меня слеза по

щеке скатилась», – заметил Леонид Бахнов. И все согласились, что Яковлев прочитал очень жирно «жирные» места... Чем усилил эффект жирности, и всем понравилось, вопреки желанию Яковлева, что привело его в дикое неистовство. Он зачитал еще пару мест – эффект такой же, только Леонид Бахнов кивал и говорил, что принял бы рассказ к публикации, но эти места частично убрал бы, правда, не все... Но лучше всех, очень-очень красиво и лестно высказалась Светлана Василенко, я даже записала: «Это не притча, а постмодернистский рассказ. Художественное открытие. Попытка сказочным языком и постмодернистским приемом объяснить то, что происходит с людьми. Надо еще писать, чтоб была книга. Никто еще не работал с прозой вчерашнего дня постмодернистским приемом, но нужен прорыв, а не случайный рассказ». Назвала мой рассказ провокацией и сравнила с прозой Андрея Платонова, который использовал смешение низкого и высокого стилей в творчестве. Еще сравнивали с Личутиным и ранним Сорокиным... А Санию назвали Борхесом по-татарски.

Фестивальная майка

Коровин, организатор Волошинского фестиваля, так и не выдал мне майку. И даже не продал. Говорят, есть люди, которые безнадежно ждут этой майки семь лет. Я ему уже высказала, но Андрей Коровин – взрослый человек, я на него

давить не буду. Бог есть, видит все. Михаил Свищев обещал свою снять с груди и отдать мне. Правда, он ее уже залил коньяком. И вообще забыл.

Натуралы в Тихой бухте

Мимо пляжей для натуралов Яковлев любит завести нас в Тихую бухту. Натуралы – это не такие, как я, а те, кто любит представлять перед взором в натуральном виде. Мы быстро проскочили, стесняясь одежды, оделись мы все, как капуста...

Пообедали шикарно рыбой, креветками, пищей и куриной колбасой. И Яковлев все время говорил, что любит приглашать к столу всех мимо проходящих. И никого так и не пригласил. Фая должна была спускаться к нам с гор с бутербродами, но что-то задерживалась.

Когда мимо проходили мужчина и женщина, мы их спросили, не видели ли они женщину китайской внешности, спускающуюся с гор. Мужчину и женщину звали Слава и Любовь, и мы, конечно же, пригласили их разделить с нами трапезу.

Яковлев попытался еще кого-нибудь позвать, чтоб доказать, что он не только болтает, но голый мужчина почему-то отказался к нам подойти. И вообще все голые натуралы отказывались. Мы для них слишком одетые.

Слава оказался литовцем, который живет в Лондоне. Кра-

сивый высокий блондин. Как раз такой, каких я люблю. И он отправился с нами к художнику Стасу, что живет в Коктебеле на даче круглый год и рисует картины в стиле экспрессионизма, очень яркие, оптимистичные работы. По дороге к художнику мы брали с собой всех писателей, которые попадались нам по пути. И завалились мы к художнику огромной компанией.

Мы оказались в очень интересном месте – берлоге художника. Посмотрели выставку на природе, мастерскую. Леонид Бахнов представил меня как талантливого прозаика и драматурга. А Яковлев прокричал: «И еще она блогер! Она про всех гадости пишет!» – «Да, и блогер, – согласился Бахнов. – Блоги из нее так и сыплются». Говорят, Любовь нас покинула в тот момент, когда Слава мне вешал лапшу про то, как его обожают коты и собаки, а я восхищенно заметила, сидя у него на коленях, что это потому, что он очень красивый и обаятельный. Нахально отбила я парня у Любви из Харькова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.